

**Владимир
СОРОКАЖЕРДЬЕВ**
г. Мурманск

ФИНСКО-НОРВЕЖСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

ПРИДОРОЖНАЯ ПАМЯТЬ

Добрососедские отношения...

Такое выражение часто употребляется в разговорах о Финляндии. Даже чаще, нежели о другой нашей соседке – Норвегии, с ней мы никогда не воевали. С финнами же, пылая друг к другу ненавистью, в минувшем веке делили земли у моря Балтийского и у моря Баренцева.

Есть что вспомнить! Например, как перед боем на политзанятии красноармейцы разучивали слова новой песни «Принимай нас, Суоми-красавица!». Приняла. В той Зимней войне 1939–1940 года в снегах Суоми осталось 126 тысяч наших бойцов, убитых, раненых, уснувших на морозе. Не меньше мы потеряли в войне Отечественной до перемирия с финнами в сентябре 1944-го...

В нынешней Финляндии о войне не любят говорить – что вспоминать свое поражение?

По словам моего проводника по финской Лапландии Лейфа Рантала, они иногда сожалеют, что воевали с немцами. Да, был такой факт. В конце войны финны силой выпроваживали немцев со своей территории, ибо Сталин дал очень корот-

кий срок на улаживание дел с бывшим товарищем по оружию.

В северной Финляндии немного военных памятников и захоронений, в этом малонаселенном таежно-тундровом пространстве почти не воевали, дрались в основном на советской территории и на юге страны. В кратких путевых заметках я перечислю их не в последовательности моего путешествия, а в географической направленности – с севера на юг: вдоль дороги от границы с Норвегией до города Рованиеми, то есть на участке выше Полярного круга. Эта земля была единым заполярным фронтом финнам, немцам и нашим бойцам, защищавшим Мурманск и Кандалакшу.

Финская Лапландия... Красивое местечко **Утсийоки** при впадении одноименной реки в большую рыбную реку Тенойоки, являющуюся водной границей с Норвегией. Примерно 500 жителей, в основном саамы. На отшибе на возвышенности – лютеранская церковь середины XIX века, сложенная из серо-бурого плитняка, острый верх – из красного кирпича. Рядом за металлической изгородью мемориал сельчанам, погибшим в 1940–1944 годах. Две

скорбные фигуры на гранитном монолите. На лицевой стороне каменного постамента столбцы с высеченными именами павших за правое дело. В стороне несколько аккуратных могил.

– Это могилы героев, – сказал Лейф. Что за герои – уточнять не стал.

Заметим: примкнув к фашистскому стану, финны воевали не за Гитлера, не за его бредовые расистские идеи, а за утерянные в 1940 году родные земли. Поэтому войну 1941–1944 годов, как и Зимнюю, для себя считали правой. Впрочем, отдельные вожди из шюцкоровской националистической организации ратовали за Великую Финляндию до Урала...

Через полтора часа, не доезжая километров 15 до Инари, остановились. Тундровый березовый ландшафт здесь менялся на таежные чащи, дорогу окружали высокие сосны. По чуть заметной тропке вышли на небольшую площадку, очерченную утопленными в траве булыжниками. Посредине – поваленный обелиск. Под его тяжестью плита-фундамент просела, памятник упал лицом вниз.

– Еще два года назад стоял, – сказал смущенно провожатый.

Чтобы поднять камень, нужна дюжина рук. Но что же там написано?

Неожиданно мой спутник по памяти цитирует: «Здесь погребено 50 советских военнослужащих». Он говорит, что они погибли при строительстве дороги.

– Но ведь дорога строилась еще перед Первой мировой войной?..

Загадка этого захоронения и последующего, о котором скажу, обелекса мною не разгадана.

Об упавшем обелиске надо сообщить администрации Инари – решили мы, возвращаясь к машине. Забегая вперед, скажу, тем же летом памятник восстановили.

Следующий крупный населенный пункт после Инари – Ивало, оживленное перепутье, мурманчане его хорошо знают, едучи на юг или север Финляндии, его никак не минуешь.

Здесь есть один примечательный памятник, не совсем военный, я бы сказал – рабоче-крестьянский, ибо четыре застывшие на постаменте фигуры (горняк, металлург, рыбак, женщина-саами с ребенком) изображают единение людей разных профессий в их большой скорби по утраченной родине. Памятник имеет конкретный адрес – Петсамо, для финнов это незаживающая рана. Памятник отражает их тоску и боль по Печенгской земле, которой они владели между двумя мировыми войнами.

В Финляндии существует «Союз Петсамо», общественная организация, в ней состоят даже люди,

кровными узами и не связанные с Печенгой. От громких призывов к возврату утерянного, не в пример японцам с их островами, они воздерживаются, но память чтут. Позднее в Рованиеми я листал новую книгу на 800 страниц – «Земля Терского моря: История Петсамо: 1920–1944 годы», любовно составленную членами Союза. Какие там иллюстрации! Более сотни фотографий из семейных архивов бывших жителей Печенги и тамошних окрестностей.

Но возврата к прошлому нет...

Мы мчимся дальше на юг. Дорога утомляет непривычной для россиянина ровностью асфальта, ухоженностью и чистотой кюветов. На срезанных придорожных склонах посеяна травка, на обочинах – открытые почтовые ящики, выкрашенные в красный цвет, видно далеко, на вынесенных в сторону съездах-стоянках – мусорные закрытые баки. А еще дальше – бурты сена, упакованные в полиэтиленовую пленку, готовые к вывозу. Для меня это в новинку.

В 30 километрах от Ивало – селенье Ланила, где-то в этих местах начало реки Лотты, притока нашей Туломы. Здесь в годы войны действовали мурманские партизаны.

Для финнов это еще одна незаживающая боль. Они считают, что красные бандиты воевали с населением, а не с армией, даже требовали привлечь к суду Александра Сергеевича Смирнова, бывшего командира партизанского отряда «Большевик Заполярья», пока он был жив. Смирнов и мурманские историки однажды приняли вызов, в девяностые годы приезжали в Финляндию, дискутировали, возражали: мол, погибшие гражданские лица – это случайные потери, сопутствующие, так бывает на любой войне.

Летом 1943 года в Ланиле партизаны Смирнова взорвали мост, погибло несколько мирных жителей. Здесь сейчас мемориальный комплекс.

В мемуарах Александра Сергеевича «Партизаны Заполярья», книга издавалась дважды, в 1977 и 1989 годах, есть подробное описание этой операции. Не буду пересказывать по одной той причине, что мемуары со слов командира написаны профессиональным литератором, сыном Смирнова, допущены вольности, украшательства, материалы советские не стыкуются с финскими, а тут дело щепетильное. Не хотелось бы комментировать и обобщать, мое дело – рассказать о том, что сам увидел. Кто захочет, книгу Смирнова найдет и прочтет, я же изложу материалы финской стороны, которая тщательно расследовала данный инцидент.

4 июля 1943 года в районе Ланилы советские партизаны взорвали мост через небольшую речку, по-

том атаковали подошедший пассажирский автобус. Погибли водитель, епископ и еще двое, несколько человек ранено. Военных в автобусе не было.

В 1993 году, к 50-летию события, здесь в створе от моста, на пригорке, в березовом перелеске поставили скромный памятник, на котором фамилии погибших. На другой стороне речки, где автостоянка и въезд в поселок, под деревянной крышей развернуты два музейно-информационных стенда: один посвящен строительству дороги Рованиеми – Ивало в 1914 году, второй – результатам операции партизан Смирнова. Здесь описание трагедии, фамилии пострадавших, на одной из двух схем белыми кружочками помечено, где лежали убитые и раненые.

Лейфу Рантала, человеку образованному, сведущему в вопросах истории Севера, взаимоотношений наших стран, интересно мнение россиянина об увиденном. Он ожидал меня в машине. Я молча развел руками: слов нет – очень убедительно и, кажется, достоверно...

Но вот ведь какая закавыка: войска Маннергейма тогда серьезно угрожали Ленинграду, где умирали каждый день сотни и тысячи, оккупировали большую часть Карелии, опутали колючей проволокой улицы Петрозаводска и загнали туда из окрестных деревень жителей. Финская оккупация, возможно, мягче гитлеровских концлагерей, но это был террор против русского народа.

Собеседник мой осторожно заметил, что его народ за ошибки правительства заплатил очень большую контрибуцию. На слове «очень» он чуть задержался, выделил его, сказал погромче, русским языком владел отменно. Да, о том, что финны платили по военным счетам, у нас умалчивали, чтобы не нарушать добрососедских отношений.

Что касается партизанского движения, рассуждал я, то оно бессмысленно в северных условиях. Даже не из-за суровости климата, нет. Бессмысленно без поддержки русского населения, какового в лесотундре не существовало. На дороге, по которой мы ехали, разумна была бы активная разведка, тщательный анализ передвижения техники и войск от Ботнического залива в Заполярье, а не диверсионная деятельность. Это была главная сухопутная артерия немцев на Мурманское направление, ведь снабжались они не только морским путем вокруг Нордкапа. Например, осенью 1941 года здесь прошла перебрасываемая из Греции 6-я горная дивизия генерала Шёрнера. В отпуск на родину егеря ехали тоже по этой дороге.

За разговорами о войне и мире мы к позднему вечеру добрались до Рованиеми. С одной оставшейся...

В районе Лехтовары (96 километров от Рованиеми) есть памятник советским воинам. Он в хорошем состоянии, ухожен, растут цветы, огорожен штакетником. Надпись на каменном обелиске на русском и финском языках гласит: «Здесь погребено 25 советских военнослужащих». Внизу на постаменте адрес, в чьем ведении памятник: «Общество дружбы Финляндии и Советского Союза. Отделение коммуны Соданкюля. 1976 год».

Подобные небольшие захоронения имеются и в других местах вокруг Рованиеми.

Наутро поехали на военное финское кладбище, оно в центре города. На полпути задержались, сфотографировал гостиницу «Похьянхови», фасадом обращенную к реке. Здесь в годы войны некоторое время жил командующий немецкой армии «Лапландия» генерал-полковник Дитль, здесь останавливались маршал Маннергейм и генерал Фалькенхорст, на чьей совести захват Норвегии. Мемориальной доской они, естественно, не отмечены. Еще бы! Немцы, отступая в Северную Норвегию, сожгли Рованиеми дотла. Якобы не хотели оставлять город в целостности большевикам. Так ли это? Наверно, все-таки мстили финнам...

Финское кладбище впечатляет ухоженностью, аккуратностью, строгой симметрией захоронений. На каждом – каменная плитка и букет живых цветов. На плитках высечены фамилия, имя, звание, годы рождения и смерти. Всего в 24 рядах 600 плиток-надгробий финских солдат, погибших в 1939–1945 годах. Встречаются знакомые адреса – Петсамо, Луостари, Салла.

Рядом при церкви послевоенной постройки – старый погост, еще со времени основания города здесь хоронили священников. Темные гранитные плиты вросли в землю. Охраняют их вековые деревья. Однако солнца в этом царстве Харона, как и во всем низкорослом городе, предостаточно, вся обширная площадка с военными надгробиями щедро освещена, чего не скажешь о немецком мемориале.

Немецкое солдатское кладбище расположено в сосновом лесу на берегу озера в 18 километрах от Рованиеми, в местечке Норваряви. Открыто 31 августа 1963 года. Посещение возможно с 1 апреля до 3 сентября.

В это раннее утро на предкладбищенскую автостоянку мы въехали не первыми, там уже стоял «фольксваген» с немецкими номерами. Здесь на окраине асфальтовой площадки меня сначала провели к странному памятнику. Я так и не понял

– руками он создан или природа сотворила, никаких креплений и бетона. На пирамиде из нескольких валунов покоился огромный светло-коричневый камень с металлической доской. Надпись на финском и норвежском языках: «В память 196 норвежских добровольцев, которые пали на войне. 1941–1944».

– Подобный памятник запретили открывать в Норвегии, – пояснил Рантала, – потому он здесь.

По узкой песчаной тропинке мы углубились в лес. Шли среди грибов и черники, под уклон. С каждым шагом холодало, будто спускались в погреб. Минут через десять среди леса возникло мрачное здание из бурого кирпича, в стиле готического замка, с квадратными колоннами с одной стороны. У входа на стене массивная гранитная плита с надписью на немецком языке: «Здесь покоятся 2495 немецких солдат, из них 690 остаются неизвестными». (В памятке-листочке иная цифра – 2530, видимо уточненная.) Справа – скульптурная композиция «Мать и сын».

Мы вошли в огромный полутемный зал без электрического освещения, лишь через закрытые окна едва пробивался свет. Вот почему мой провожатый предусмотрительно захватил фонарик, с его помощью осматривали темные закоулки.

Пол уставлен плитами с фамилиями солдат вермахта, погибших на Севере. Более двух тысяч имен, одно за другим, сплошным текстом. Рядовые и офицеры – в одном гранитном потоке... На двух противоположных стенах – тоже плиты, здесь немецкий текст хорошо читался, фамилии давались столбцами, каждая – отдельной строкой, насчитал их 480.

Кое-где на плитах стояли корзины с несвежими цветами и лентами. На корзине, близкой к окну, прочитал: «Брату и дяде...» Мемориал посещается не только туристами из Германии, в этом мы удостоверились, полистав гостевую книгу на выходе. Русских надписей не увидели, может, где-то и есть, далеко в книгу не погружались. Я расписался и указал свой адрес – Мурманск – город, который так и не дался лежащим здесь завоевателям.

Тут же на столике – толстенный путеводитель с ламинированными страницами, в котором повторены все фамилии солдат и офицеров, отмеченных на плитах. Напротив каждой фамилии дан определенный цифровой шифр, по которому родственники, видимо, находят нужный им сектор. Здесь можно взять памятку (на немецком и финском языках) и открытки с изображением мемориала.

В памятке употребляется только слово кладбище (Der Friedhof), однако функции его намного

шире, я бы назвал – Дом памяти. Такого Дома на русском материале нам в Мурманске не хватает, как и Музея обороны Заполярья. Но об этом отдельный разговор.

На берегу Норва-озера – огромный железный крест. У подножия плита с надписью-благодарностью к воинам, лежащим здесь, жившим и воевавшим за правое дело.

И плиты в доме, и крест, и памятки с открытками – все это дело рук немецкого Народного земляческого союза в Гамбурге. Эта общественная организация курирует все немецкие кладбища в северных странах, где лежат солдаты двух мировых войн, – в Дании, Норвегии, Швеции. В Финляндии есть еще захоронение в Хельсинки, там 121 немецкий солдат лежит на одном воинском мемориале с финнами.

На севере России немецкие кладбища пущены под нож бульдозеров сразу же после войны, например в Печенге и Салле, где нашли последний приют 8000 солдат вермахта. Сейчас кое-что восстанавливается за счет немецкой стороны. Мы не против – мертвые сраму не имут.

В последний день в Рованиеми я осмотрел музей «Арктикум», рассказывающий об арктическом мире Земли, музей удивительный, обширный, интересный, там и дня мало. Например, в одном из залов на огромном мониторе можно увидеть, как нерестится семга. Камера установлена на дне реки; короткий фильм повторяется беспрерывно.

Есть два потрясающих экспоната, рассказывающих о войне. Это панорама города Рованиеми до войны и после. В миниатюре под стеклом воссозданы все улицы, все дома – жилые и казенные, хозяйственные постройки, церкви, мосты, башни, парки, отдельные деревья. На соседней панораме в тех же размерах – то же самое, но в разрушенном виде. Она напомнила мне известное фото Евгения Халдея сожженного в 1942 году Мурманска. Подумалось: ведь фотопанораму можно перевести в пластилин или другой мягкий материал. Таким же образом воссоздать в миниатюре довоенный Мурманск...

Да, многое можно перенять у финнов по музейному делу, а по увековечению памяти – у немцев. Впрочем, мы тоже памятливы, энергичны в поисках. В бывшей фронтовой полосе – на Западной Лице и под Кандалакшей – десятки мемориалов. Но такая у нас жизнь, такие мы бедные, нам бы держать в благопристойном виде то, что имеем, что порой разваливается и зарастает травой.

К счастью, это не трава забвения...

НОРДКАП ПОДО МНОЮ...

Очередное полярное лето.

С Лейфом Рантала, с которым мы сдружились за двадцать лет общения, опять на его «тойоте». Он по национальности финн, по профессии – лингвист, преподаватель Лапландского университета, владеет пятью европейскими языками, русским очень хорошо. Знает саамский язык, диалекты. Его регулярно привлекают в качестве переводчика для поездок в Россию. В творческом багаже Лейфа несколько книг о саамах. Мои краеведческие работы переводит на шведский язык.

– Сбылась мечта идиота – побывал на Нордкапе... – рассуждал я на обратном пути.

– Кто идиот? – поинтересовался мой товарищ.

Я пытался объяснять смысл этой и других русских поговорок, они моего собеседника не то что интересовали, завораживали. Он освоил многие наши устоявшиеся выражения, понял их смысл, некоторые поговорки ему полюбились. Оборачиваясь ко мне, после того как мы миновали добрую сотню километров по прекрасной асфальтированной «змейке», спрашивал с улыбкой:

– А не заморить ли нам червячка?

Чтоб не тратиться в неблизком пути, из Мурманска мы везли сумку домашних продуктов и напитков. Поворачивали в сторону от шоссе за буквой «Р» и располагались за придорожными столиками, любуясь видами на норвежские горы. Так складывался наш путь по Скандинавии в прекрасную солнечную погоду по маршруту Мурманск – Киркенес – Нордкап – Рованиеми.

Но сначала – туда, на север, на Нордкап.

С выездом из России мы запоздали. 6 августа были на богослужении в церкви Бориса и Глеба на пограничной реке Паз. Осталась на душе горчинка: прежде чем добраться до церкви, останавливались на четырех кордонах, везде проверка документов, выяснение, есть ли наши фамилии в списках паломников. Везде строгие лица, автоматы. Даже на мосту через Паз автоматчик-пограничник, глянув в мой заграничный паспорт, спросил, нет ли у меня с собой российский паспорт, и долго рассматривал мурманскую прописку. И потом возле церкви мелькали автоматы, направленные неизвестно куда.

Вырвавшись на норвежский простор, к вечеру мы пересекли норвежско-финскую границу и самую северную точку Евросоюза – Нуортгам, через час были в Утсийоки, в финском местечке на реке Тана, где заночевали у редактора саамского радио Нийло Уомаёкки. Ему часа за два до приезда

позвонили по мобильнику. Для ночевки нам предоставили «амбар» со светом, холодильником, мягкими постелями и библиотекой, где обнаружили несколько изданий на русском языке. Тут же у крыльца красовались мухоморы и подосиновики. Финны грибы не едят, но мой рецепт выслушали внимательно: мухоморы настоять на водке, этой настойкой потом растирать больные суставы. Улыбнувшись, приняли рецепт к сведению.

По утреннему туману следующего дня мы мчались вдоль реки Тана, это местность финских и норвежских саамов. В Карашйоки, на норвежской стороне, даже есть Саамский парламент, здесь нередко на национальных тусовках бывают наши ловозерцы. А далее – прямо на север, первая остановка в Лаксельве у начала Порсангер-фьорда. Здесь и поныне существует аэродром Банак, с которого в годы войны немцы бомбили мурманские конвои. У туристического центра многолюдно. Итальянцы, немцы... Здесь мы получили новую важную информацию: ожидаемые нас впереди туннели платные. Я немного загрустил, а мой товарищ повеселел, он справился о расценках, туннели были по нашему кошельку.

Порсангер-фьорд вдается в материк на двести километров, по обоим берегам – отличные дороги. Не открою секрета – народ валит налево, на Нордкап, автомобилисты, мотоциклисты. Туристические автобусы – один за другим, со всей Европы, больше почему-то из Германии. Немцы любят экзотику.

– Что ты хочешь – август. Европа путешествует...

Водители автобусов в белых рубашках, черных галстуках. Мой спутник комментирует: не дай бог воротничок загрязнится, уволят сразу же. На больших остановках я невольно присматривался к форме шоферов и – надо же – не замечал на них ни пятнышка, ни соринки.

Узкая дорога, вырубленная в скале, вьется около воды. По стене скалы стекают ручьи. В фьорде тишь и гладь. По берегам разноцветные домики. Там, где дорогу не прорубили, ее просверлили в горе. Первый туннель у Скорвберга, трехкилометровый. Мы ныряем в холодную пропасть, подсвеченную желтыми фонарями. Мокрые скальные стены. Отблеск сырости и холода. Ощущение тревоги. Молчим, пока не вырвались на солнечный свет. Через пять минут еще туннель, этот повеселей, всего 496 метров, стены обшиты каким-то материалом. На выезде едва не сбиваем оленя. Они тут пасутся прямо на дороге. Худосочные, глупенькие, толпой шлепают по асфальту на радость туристам. Пока автобусы пережидают, люди снимаются на видео и фото, чуть ли не в обнимку, чуть ли не верхом на животных...

Мой товарищ говорит, не дай бог сбить оленя, ви-

новат будешь всегда ты, а не хозяин, заплатишь штраф, и немалый. Это территория тех, кто здесь живет, и все права на стороне местных жителей. То же он высказал и в отношении овец, как и олени, беззаботно бродящих по дороге.

Между тем влетаем в очередной туннель, самый большой и длинный. Он связывает материк с островом Магерей. Раньше здесь была паромная переправа, но в девяностые годы построили под проливом туннель. Построили ради туристов, все больше народу жаждет побывать на краю Европы. Длина туннеля 6870 метров, глубина 200 метров. Километра три мы мчимся вниз, скорость местами ограничена цифрой 70. Замечаю во всех туннелях частые телефонные аппараты с надписью SOS. В конце пути дорога круто идет вверх. На выезде – шлагбаум, надо платить, 192 кроны с человека – около 800 рублей. Обратно столько же возьмут.

Из следующего четвертого туннеля мы врываемся прямо в объятия норвежского разноцветного городка Хоннингсвога, минуем его и едем вверх, петляя по склонам гор. Дорога опасная, с одной стороны пропасть, с другой – скалы, вьется дорожная лента под самые небеса. И вот мы на мысе Нордкап. Опять шлагбаум, опять плата, это за въезд на самую северную точку Европы. Норвегия хорошо распоряжается своим географическим богатством – еще «состригла» с нас по 200 крон.

День солнечный, ясный, тихий, что здесь редко бывает, и, возможно, мы заплатили разумную цену не за присутствие здесь, не за туннели, затраты на строительство которых норвежцам надо компенсировать, а за нечаянную отличную погоду, случившуюся в эту пору на Севере. Слов нет, с погодой нам повезло.

Мой товарищ боится высоты и, отворачиваясь, машет рукой в сторону моря, мол, лучше этой крутизны не видеть. Мы стоим на краешке мира, а под нами внизу летают чайки, вдали белеет след корабля.

Немцы, набравшись впечатлений, спешат в самый северный ресторан Европы утолять жажду. Автобусы отъезжают и прибывают. Я открываю «Советское шампанское»... А потом смешиваемся с толпой, идем тратить последние кроны в большом единственном доме на этом гранитном мысу, где собрано всё – ресторан, почта, магазины, кафе, туалеты. В этом доме одних только открыток с изображением Нордкапа 200 видов. С удовольствием отправляем домой по открыточке с редким штемпелем... Минуем магазин очень дорогих сувениров и гуляем на мысу. А вдали виднеются другие, не менее значительные, норвежские мысы, похожие на Нордкап, но

уступающие ему какую-то секунду географической широты. Правда, по утверждению знатоков, лежащий от нас слева мыс и есть самый северный, он на несколько метров подлиннее Нордкапа...

Я ищу в массе щебенки и гальки сувениры, самые дешевые и красивые, ибо магазинные не по моему карману. Подбираю два камушка, два кварцевых самородка. Вряд ли еще придется побывать здесь.

На **Нордкапе** есть несколько примечательных знаков. Вот металлическая конструкция на постаменте, символизирующая земной шар. Другое сооружение символизирует мир и единение всех детей на свете: цепочка из семи больших каменных дисков и скульптурная композиция матери с ребенком. На одном диске есть русское имя – «Антон из Советского Союза». Мне объяснили, что когда-то сюда привозили группу из семи подростков из разных стран. В память о том событии появилось это любопытное сооружение.

На мысу есть еще памятный знак с координатами – 71°10'21" северной широты. В этой точке мы находимся. Стрелка на знаке показывает дальше на Север, на Баренцево море. Там есть еще норвежская территория – архипелаг Шпицберген. А ведь когда-то та земля была нашенской, освоенной кольскими и архангельскими поморами...

Мы прощаемся с Нордкапом, не спеша спускаемся вниз по смертельной дорожной петле. Останавливаемся у саамского стойбища, где стоят несколько чумов и магазинчик сувениров. Мой товарищ говорит:

– Проверим, настоящие ли это саамы... Не самозванцы ли?

Побеседовал он сначала с молодой женщиной, хозяйкой магазина, потом с мужчиной, видимо, ее мужем. Потом мы подошли к пожилому норвежцу-сааму, позирующему перед десятком объективов. Чтобы сфотографироваться рядом с ним и оленем, туристы занимают очередь.

– Как это нехорошо, как стыдно, – волнуется Лейф. – А саамы, между прочим, настоящие, коренные жители этих мест. Неплохо зарабатывают на туристах, но заработок сезонный, зимой здесь пусто...

Зато сейчас многолюдно. Навстречу – автобусы, мотоциклы, велосипеды. Да, Европа путешествует. К слову, мурманчанам, а их мы на Нордкапе так и не увидели, несложно попасть сюда. Даю справку. Из финского городка Ивало на Нордкап ежедневно ходит рейсовый автобус, билет стоит 70 евро в одну сторону; да еще 50 евро на автобусе из Мурманска до Ивало. И Нордкап у ваших ног. И не только он, но и все красоты Финнмаркена и финской Лапландии...

ДРЕВНИЕ КНИГИ ИНАРИ

Об этом мероприятии узнал еще весной. Позвонил Лейф Рантала, спросил, не желаю ли я участвовать в презентации выставки «Саамские письменные языки», он занимался ее организацией. «Желаю!» – был мой скорый ответ, когда уяснил, что суть выставки – книжное собрание одного местного коллекционера, раритеты XVI–XIX веков.

Выставка открылась в разгар лета в Инари. Это небольшой городок в финской Верхней Лапландии на берегу обширного озера. Половина жителей – саамы, основное занятие – оленеводство и рыболовство. Для выставки здесь прекрасное место – саамский культурный центр под названием «Сиида». Настоящий дворец, открытый в 1998 году, похожий на старинный замок несколько мрачноватого вида, имеющий внутри массу различных помещений, конференц-залы, музей, магазины, заведения общепита. Здесь постоянно толпится народ, полно туристов, путешествующих по северу Европы. Здесь нередко бывают и кольские саамы на различных своих мероприятиях. Да и сам коллекционер живет где-то неподалеку, в лесу у него дом, там же богатейшая библиотека, насчитывает, по словам моего товарища-финна, около двадцати тысяч книг, исключительно по Северу. Также много старинных географических карт, одна в цвете – голландского картографа Яна Янсона, изображающая Кольский полуостров начала XVII века, – представлена на выставке.

Зовут коллекционера Илкка Паатеро, он спортивного вида мужчина лет пятидесяти. Сколотил капитал то ли на мебели, то ли на посуде, долгое время работал в Дании, на книги денег не жалел, собирал по всему миру. Сейчас отошел от бизнеса, отдыхает среди своих раритетов в глубине лапландской природы. И вот решил показать народу часть своего книжного богатства.

А посмотреть есть что! Один из открывателей выставки, гость из Хельсинки, директор Финляндской национальной библиотеки, отметил отсутствие в их фондах некоторых библиофильских редкостей, представленных здесь. Всего на стендах размещено 156 книг – словари, учебники, церковная и историко-географическая литература – и все они целиком или частично касаются саамской народности. Самая древняя – «Героическая история государства Дании» Саксона Грамматика на латинском языке, парижское издание 1514 года. Именно на эту книгу ссылались датские послы в конце XVI века в Москве, требуя от Бориса Годунова Русскую Лапландию (Кольский полуостров), якобы издавна принадле-

жавшую датско-норвежской короне. Известен ответ русского царя: «Нечего доказывать принадлежность Лапландии Норвегии ссылками историков. Историки много пишут, но не всегда передают истину...»

Книги достаточно известны научному миру: «Космография» Себастьяна Мюнстера (Базель, 1550 год), «Церковная история северных стран» Адама Бременского (Лейден, 1595 год), «Народы лангобардов» Паулюса Диакопуса (Аугсбург, 1515)... Последняя книга примечательна тем, что издана она по рукописи 790 года, где впервые говорится о скритфиннах, то есть саамах.

Отдельный стенд посвящен знаменитой книге «Лапландия» («Лаппония») немца Иоганна Шеффера (1621–1679). Это первая книга о саамах. Появилась она на свет во Франкфурте-на-Майне на латинском языке в издании Христиана Вольфа в 1673 году. Этот труд является классическим. Здесь описание земли, культуры и быта, происхождения, религии, языка народа, населяющего северную окраину Европы. Шеффер поднял все доступные ему источники о жизни саамов, критически использовал их, а между тем он ни разу не побывал на земле «скритфиннов». В 1648 году по приглашению королевского двора переехал в Швецию, где долгие годы преподавал в Упсальской академии. По указанию канцлера Магнуса Делагарди приступил к книге о Лапландии, ее коренном населении. Он использовал не только труды прежних историков, но и обращался к священникам лапландских селений с заранее составленным вопросником. Его дом в Упсале представлял собой своеобразный музей предметов саамской материальной культуры.

Еще при жизни Шеффера книга была переиздана несколько раз: на английском языке (Оксфорд, 1674), на немецком (Кёнигсберг, 1675), на французском (Париж, 1678). В том же XVII веке переведена и издана на голландском языке. В шведском же переводе, хоть и посвящена книга канцлеру Делагарди, она вышла только в 1956 году, это издание имеется в музее в Апатитах. Остальные – только в крупных российских хранилищах Москвы и Петербурга. У Илкка Паатеро собраны все переводы Шеффера – 13 книг! – в том числе и недавнее русское издание «Лапландии» (Москва, 2008), осуществленное Институтом этнографии РАН при активном содействии известного саамоведа Татьяны Лукьянченко.

Обширный стенд посвящен старой саамской литературе Норвегии и Финляндии, лингвистам, переводчикам. Нильс Строкфлед, Йенс Фриис, Якоб Фильман, Андерс Шёгрен, Арвид Гёнец, Элиас Лённрот, Андерс Фоклнер... Рядовому читателю эти имена мало что говорят, на слуху у

краеведов в основном имя Лённрота, автора карело-финского эпоса «Калевала». Однако все они яркие личности, все они в своих научных заботах в XIX веке побывали и на Кольском полуострове, оставили записки, воспоминания о нашем крае, а Фриис сделал первые фотографии Колы и Кандалакши в 1867 году. Выпущенные ими книги, особенно переводы на саамские языки, необычайно редки. Например, «Учеба о блаженстве» Фильмана (Хельсинки, 1856) сохранилась в четырех экземплярах. По словам коллекционера, пропал тираж, а почему – так и не сумел выяснить.

В этом ряду увиделось имя Константина Щеколдина, русского священника и краеведа. Его можно назвать первым краеведом Мурмана, здесь он жил среди лопарей, здесь похоронен. Фото и биографических сведений о нем на стенде не имелось, но две книги были представлены. Первая – «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии», вторая – «Евангелие от Матфея», переложение для лопарей, обе изданы в Архангельске в конце XIX века. Обе в великолепном состоянии. Мне доводилось держать в руках эти редкости в российских хранилищах, но там они были далеко не в первоизданном виде. Об этом я и сказал коллекционеру, а попутно подарил свою книгу о старой Коле. Он листал с интересом, смотрел иллюстрации и восклицал:

– Эта книга у меня есть!.. И эта есть!..

Иллюстрации – рисунки, карты – для моей книги были заимствованы из записок путешественников XVI века – немца Герберштейна, голландца

Де-Фера и других авторов, писавших о Севере России того далекого времени.

Разговор наш продолжился поздним вечером при незаходящем полярном солнце на борту электро-катамарана «Инари-3», зафрахтованном коллекционером. Мы, узкий круг гостей, совершили двухчасовую прогулку по зеркальной глади Инари, высаживались на Святом островерхом островке, поднимались по лестнице на вершину. К слову, на озере Инари один из островов принадлежит Паатеро, но мы туда не зашли, лицезрели издали. В беседе за гостеприимным столом, когда мне дали слово, я сказал, как было бы замечательно провести такую выставку в России, в Мурманске, где живут саамы, где нет этих книг в музеях и библиотеках и народ их может никогда не увидеть. Об этом я говорил и днем на презентации, давая интервью финскому радио. Паатеро улыбался, согласно кивал головой...

Открытие этой книжной выставки, полуночное плавание по Инари стали последней встречей, последним общением с переводчиком Лейфом Рантала, моим товарищем, скромным, умным, ироничным человеком, много знавшим о саамской культуре и диалектах. Его не стало в Рованиеми, где он жил, через полгода после выставки, в начале января 2015 года...

□

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ

родился в городе Кирове.

Окончил Литературный институт им. А.М.Горького.

*Автор нескольких поэтических сборников
и многих историко-краеведческих книг о Севере.*

*За книгу «Не вернулись из боя» в 2011 году
стал лауреатом Международной
литературной премии им. В. Пикуля.*

*Стихи печатались в журналах «Молодая гвардия»,
«Наш современник», «Новый мир», «Юность».*

Стихи и проза публикуются в «Севере» с 1970 года.

*Возглавляет Мурманскую организацию
Союза писателей России.*

